

Университетский вопрос Н.И. Пирогова

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
У59

У59 Университетский вопрос Н.И. Пирогова / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 85 с.

ISBN 978-5-518-10530-0

Дополнение к замечаниям на проект общего устава Императорских Российских Университетов.

ISBN 978-5-518-10530-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вѣка конечная цѣль, или только средство къ чему-то другому, еще высшему?

Но, не заходя такъ далеко, остано́вимся покуда на ближайшемъ и болѣе намъ доступномъ.

Знать, и умѣть приложить знаніе къ дѣлу и жизни; — эти два стремленія умственной дѣятельности человѣка проявляются при самыхъ первыхъ зачаткахъ общества. Онѣ проявились и при учрежденіи университетовъ. Но одно изъ нихъ преодолеваетъ другое.

Жизнь общества, съ ея прикладными стремленіями, беретъ перевѣсъ надъ чисто научнымъ. Поэтому, прикладное направленіе не замедлило обнаружиться въ университетахъ.

Это и не могло быть иначе. И правительство, и церковь, и общество не могло не воспользоваться университетами для достиженія своихъ цѣлей. И странно было бы, съ ихъ стороны, выпускать изъ рукъ такой сильный рычагъ.

Но для прикладного, для утилитарнаго, которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливается въ нашемъ обществѣ, университеты одни сдѣлались уже недостаточными. Для прикладнаго, которое пересилило чисто-научное стремленіе, понадобились еще другія, болѣе практическія учрежденія; оно даже перешло и въ тѣ школы, которыхъ прямое назначеніе было готовить только къ университету. И отъ нихъ начали требовать, чтобы онѣ готовили прямо къ вступленію въ жизнь. Это утилитарное стремленіе грозитъ реформой университетамъ. Оно все болѣе и болѣе разрываетъ органическую связь между факультетами. Въ одной странѣ (Франціи) удалось ему почти совсѣмъ прервать эту связь.

Покуда, однакоже, чисто-научное начало еще живетъ въ университетахъ, — и къ чести человѣчества нужно думать, что оно никогда не умретъ; — оно еще снабжаетъ ихъ свѣжими силами; еще готовить передовыхъ людей обществу; еще борется съ прикладнымъ и этой борьбой облагораживаетъ его. Чисто-научное не разсталось еще съ учебною дѣятельностью и не вышло совсѣмъ изъ университета въ академію. Какъ ни мельчаетъ это направленіе, какъ ни сгромазживается научный матерьялъ, какъ ни распадается наука на множество отраслей, какъ, наконецъ, правительство, церковь и общество ни обусловливаютъ чисто-научное направленіе, — университеты не перестаютъ еще сознать и поддерживать духовную связь наукъ и не перестаютъ стоять за свободу науки. Въ этой борьбѣ, въ этомъ высокомъ стремленіи все достоинство вышшняго

университета. Въ этомъ заслуга Германіи, — страны по преимуществу университетской.

Но, какъ бы ни было неопредѣленно значеніе современнаго университета въ Европѣ, мы видимъ, что оно выражается предъ нами болѣе или менѣе ясно въ трехъ направленіяхъ. Одно изъ нихъ, которое болѣе другихъ напоминаетъ средневѣковое происхожденіе, еще довольно сохранило чисто-научный видъ, едва сдѣлавъ нѣкоторыя уступки современнымъ требованіямъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно и всего болѣе подчинилось вліянію церкви и сословія, принявъ характеръ воспитательный, выразившійся и въ учебной сторонѣ и въ цѣлой жизни учрежденія. Другое, удерживая отъ средневѣковой жизни одно только корпоративное начало и уступая болѣе вопіющимъ требованіямъ современной жизни, соединило въ себѣ чисто-научное съ прикладнымъ. Отстаивая упорно свободу и самостоятельность научнаго элемента, оно не разъ должно было уступать и вліянію церкви и бюрократизма; но устояло, не сдѣлалось ни церковнымъ, ни сословнымъ, ни бюрократическимъ, и сохранило въ себѣ еще духовную связь наукъ и свою дорогую *Lehr und Lernfreiheit*. Третье, наконецъ, удержавъ отъ среднихъ вѣковъ одни берреты и тоги профессоровъ да названіе университета, поддалось совершенно централизирующей власти правительства, и сохранило научный характеръ благодаря только способностямъ и прогрессивнымъ стремленіямъ націи. Университетъ, при этомъ направленіи, сдѣлался однимъ номинальнымъ и бюрократическимъ центромъ разныхъ учебныхъ учреждений.

Что же такое нашъ университетъ въ Россіи?

Если трудно было сказать что нибудь положительнаго и общаго о современномъ университетѣ въ Европѣ; то еще труднѣе это сказать про нашъ. Въ немъ еще болѣе отрицательнаго, еще менѣе положительнаго. Онъ не есть учрежденіе ни реальное, ни свободно-научное, ни спеціальное, ни общеобразовательное, ни воспитательное, ни церковное, ни сословное, ни средневѣковое — корпоративное, ни филантропическое, ни чисто бюрократическое.

Между тѣмъ, каждое изъ этихъ началъ внесено въ него въ известной степени. Положительнаго про нашъ университетъ можно сказать только то, что онъ есть учрежденіе правительственное и учебное, съ значительнымъ бюрократическимъ отгѣнкомъ и съ нѣкоторою примѣсью корпоративнаго, воспитательнаго и филантропическаго характера. Созданный, какъ и большая часть германскихъ

университетовъ, правительствомъ, онъ никогда не былъ такъ формально подчиненъ вліянію господствующей церкви, какъ многіе изъ этихъ университетовъ, хотя въ ученіи и не могъ отступать отъ догмы православія. Основанный сильною централизующею властью, въ то время, когда образованіе нуждалось еще во внѣшнемъ поощреніи сверху, онъ по необходимости долженъ былъ принять въ себя бюрократическое начало, котораго рѣзкій формализмъ долженъ былъ, также необходимо, смягчиться и ослабнуть подъ вліяніемъ научнаго элемента. Не имѣя вовсе средневѣковыхъ преданій, возникшій въ обществѣ, вовсе не имѣющемъ цѣловыхъ стремленій, нашъ университетъ никогда не могъ сдѣлаться ни настоящею корпораціею, ни настоящимъ сословнымъ учрежденіемъ. Но нѣкоторыя права и коллегіальное начало, внесенное въ него уставомъ, а главное — одинакость или сходство цѣлей, занятій, воспитанія и возрастовъ — успѣли развить въ немъ товарищество или что-то похожее на корпорацію, рѣзкое же различіе въ правахъ и образованности сословія сдѣлали его болѣе или менѣе сословнымъ. Устроенный по образцу германскихъ университетовъ, стремившихся къ свободѣ ученія, онъ не могъ получить опредѣленный, воспитательный характеръ. Но, исключительно для него регламентированный полицейскій надзоръ заставилъ думать, что въ немъ дѣйствительно *воспитываются* молодые люди, также какъ бурсы, стипендіи и казенно-новшество могли заставить думать, что университетъ есть филантропическое учрежденіе.

При такой неопредѣленности характера и основныхъ началъ, еще менѣе опредѣленно должно было выразиться направленіе. Правительство, учреждая университетъ, очевидно имѣло нужду и въ спеціалистахъ и вообще въ образованныхъ людяхъ. Оно желало чрезъ университетъ получить и тѣхъ, и другихъ. Оно желало развить въ обществѣ присущую ему способность знать и умѣть приложить свое знаніе. Оно учреждало новые, и преобразовывало существовавшій уже университетъ, въ то время, когда въ современномъ европейскомъ обществѣ начинали значительно развиваться утилитарныя стремленія, и потому прикладное должно было развиться на счетъ чисто-научнаго. Мало этого, — чисто-научное и не могло быть въ нашемъ университетѣ преобладающимъ началомъ. Онъ не былъ обязанъ, какъ нѣкоторые изъ средневѣковыхъ университетовъ, передовымъ людямъ общества. Духъ же и стремленія централизующей власти и самый духъ націи болѣе благопріятство-

вали прикладному, чѣмъ чисто-научному. Не было ни борьбы направлений, ни духовной связи между факультетами, ни средневѣковаго корпоративнаго элемента, который бы также стремился поддержать эту связь. Да и прикладное направление, не выработавшееся наукой на родной почвѣ, не могло развиваться и идти прогрессивно впередъ. Поощряемое только извнѣ, искусственной регламентаціей государства, оно могло только отчасти удовлетворять вопіющимъ его потребностямъ.

И такъ, нашъ университетъ отличается совершенно отъ средневѣковаго англійскаго тѣмъ, что онъ нисколько не церковный, не корпоративный, не общественный, не воспитательный. Нашъ университетъ похожъ только тѣмъ на французскій, что въ него внесень,—и еще сильнѣе и оригинальнѣе,—бюрократической элементъ; но онъ не есть еще департаментъ народнаго просвѣщенія какъ французскій и факультеты въ нашемъ еще не лишены такъ взаимной связи, какъ въ томъ. Наконецъ, нашъ университетъ еще менѣе похожъ на германскій, который ему служилъ образцомъ, потому что въ немъ нѣтъ самого характеристичнаго: полной *Lehr und Lernfreiheit* и стремленія научнаго начала преобладать надъ прикладнымъ и утилитарнымъ.

И вотъ, для насъ наступило время реформъ. Въ чемъ же должна состоять наша университетская реформа? Тутъ нѣмецкій вопросъ: *ist es Ernst*, я думаю, не такъ не нуженъ, какъ оно можетъ быть кажется. *Заправду* можно дѣлать только то, что *внутренно необходимо* и, при данныхъ условіяхъ, *возможно*.

Нѣтъ сомнѣнія, внутренняя необходимость въ опредѣленномъ направленіи и въ большей соотвѣтственности съ современными требованіями науки и общества ощущается почти всѣми, кому университеты близки къ сердцу или сколько нибудь извѣстны. Даже и въ германскихъ университетахъ слышутся голоса о реформахъ. Въ нихъ нѣтъ уже прежняго наплыва студентовъ; утилитарныя школы многихъ уже отвлекли, да большинство и посѣщающихъ не остается вѣрнымъ университетскому призванію. У насъ, напротивъ, хотя число учащихся и растетъ, но врядъ ли находятъ то, чего ищеть и врядъ ли ищеть того, что можетъ дать университетъ. Это потому, что направленіе нашего университета еще вовсе не опредѣлилось. Вакантныя кафедры его трудно замѣщаются. Это потому что внутренняя, динамическая жизнь университета слаба до чрезвычайности. Матерьяльное существованіе его членовъ не обезпечено.

Научныя и учебныя средства недостаточны. Это значить, что и матерьяльная сторона университета также скудна, хотя и относительно. И такъ, причинъ внутреннихъ, вызывающихъ реформу довольно. Но, не смотря на это, если мы будемъ отеровенны, то согласимся, что все-таки самый главный толчокъ, заставившій у насъ такъ дѣятельно заняться реформою университета, былъ данъ обстоятельствомъ чисто внѣшнимъ,—студентскими беспорядками. Оно внѣшнее потому, что независимо отъ университета,—это я стараюсь доказать послѣ, если это еще требуетъ доказательствъ.

Но, какъ бы то ни было, если внутренняя необходимость реформы несомнѣнна, то другое дѣло—вопросъ о ея возможности при существующихъ условіяхъ.

Не говоря уже объ условіяхъ финансовыхъ,—безъ которыхъ ничего рѣшать нельзя,—трудность его рѣшенія представляется еще съ разныхъ сторонъ.

Во первыхъ. Если инициатива реформы въ правительственномъ университетѣ и принадлежитъ самому правительству, то все таки она не иначе можетъ быть приведена въ исполненіе какъ силами самого же университета. А существуютъ ли эти силы на лицо?

Во вторыхъ. Правительство реформируя должно постоянно соотноситься съ тѣмъ, насколько реформа совмѣстна съ основными началами государства. Тутъ будетъ идти дѣло о томъ, какъ согласить требованія современной науки съ требованіями самого государства. А это возможно не вполнѣ, а только въ нѣкоторой степени.

Въ третьихъ. Реформа предпринимается и для того, чтобы удовлетворить потребностямъ общества. Но тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не окрѣпло, гдѣ взгляды еще до того не установились, что университетъ является и учащимся, и отцамъ и даже учащимъ въ самыхъ разнохарактерныхъ, нерѣдко странныхъ видахъ,—тамъ угадать истинныя потребности общества хотя и можно (смотря на него сверху), но удовлетворить, съ сознательною пользою для всѣхъ, едва ли возможно.

Не исполнивъ же этихъ трехъ условій, реформа не будетъ внутренняя и легко превратится въ одну внѣшнюю регламентацію.

Что же дѣлать? Не предпринимать реформы? Это значило бы отказаться отъ всякаго прогресса, который сдѣлался уже жизненною и потому безотлагательною потребностью. И если при реформѣ нельзя никакъ обойти эти три условія, то нужно, по крайней мѣрѣ,

сдѣлать то, что имѣло бы какъ можно болѣе шансовъ ихъ сгладить.

Всякая реформа есть экспериментъ. А въ новомъ экспериментѣ, какъ бы осторожно ни пробовали, всегда есть два черныхъ шара: или онъ будетъ сдѣланъ неудачно, или онъ окажется неспособнымъ разрѣшить ту задачу, для рѣшенія которой былъ сдѣланъ. Противъ первой неудачи могутъ помочь только личныя качества экспериментаторовъ; а противъ второй правило: испробовать рѣшеніе не однимъ, а нѣсколькими путями, и особливо когда имѣемъ передъ собою вопросъ сложный. Почему же и въ сложномъ дѣлѣ университетской реформы не испробовать нѣсколько путей? Почему бы реформа должна была у насъ выразиться непременно однимъ и тѣмъ же уставомъ для всѣхъ университетовъ? Взгляды на значеніе университетовъ вообще не вездѣ еще установились, а наши университеты въ Россіи совсѣмъ не такъ одинаковы, какъ это можно заключить изъ того, что для нихъ пишется одинъ и тотъ же уставъ. Разлада и неурядицы отъ разнообразія университетовъ опасаться нечего. При разнообразномъ характерѣ одного и того же учрежденія правительственной власти еще легче убѣдиться гдѣ, чѣмъ и почему лучше, или гдѣ, чѣмъ и почему хуже. Тутъ есть только одно, кажущееся неудобство: это то, что разнообразіе эксперимента, или реформы, противорѣчитъ началу централизаціи. Но въ дѣлѣ науки централизація и безъ того невозможна, а въ дѣлѣ управленія разнообразность университетовъ скорѣе поможетъ, чѣмъ повредитъ истинному, не формальному внутреннему порядку. Если различная организація и нарушитъ виѣшнюю связь университетовъ, за то скорѣе выработается изъ нея другая, внутренняя связь, которая болѣе удовлетворитъ требованію общества—знать и умѣть приложить знаніе къ дѣлу.

И такъ, изъ *трехъ* условий, затрудняющихъ возможность коренной реформы нашего университета, первое—это адинамія, слабость жизненныхъ его силъ. Безъ воздѣйствія этой силы всякая реформа останется виѣшнею регламентаціею. Источникъ этой силы—наука, которая олицетворяется въ коллегіи профессоровъ. Но жизнеспособность коллегіи была такъ слаба въ нашемъ университетѣ, что она никогда не могла возстановляться сама собою. Правительство пытается возстановлять его періодически свѣжими силами, и претовращать безсиліе. Въ теченіи 30 лѣтъ во второй уже разъ дѣдается эта попытка. Она, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что

молодые волонтеры, болѣе или менѣе соотвѣтствующіе будущему ихъ призванію, высылаются разомъ, — en masse, — въ заграничныя университеты, для спеціальнаго образованія. Какъ бы ни казался искусственнымъ и даже насильственнымъ этотъ экспериментъ, онъ вызванъ необходимостью. На него указалъ старикъ Парротъ — и не ошибся. При второй регламентированной реформѣ, въ 1836 году, этотъ опытъ далъ средство отдалить, по крайней мѣрѣ, на время угрожавшую атрофію. Дерптскій университетъ, который тѣмъ отличается отъ другихъ русскихъ университетовъ, что онъ возобновляетъ свои силы, заимствуя ихъ прямо отъ запада, казался тогда Парроту самымъ удобнымъ мѣстомъ приготовленія, искусства и сближенія будущихъ членовъ коллегіи. И въ этомъ онъ тогда не ошибся. Но онъ ошибся въ томъ, что думалъ найти въ этой попыткѣ такое средство, которое заставитъ жить наши университеты собственной жизнью. Второй опытъ, предпринимавшійся ровно чрезъ 35 лѣтъ послѣ перваго, доказываетъ несостоятельность разсчета. Теперь уже вѣрно никто такъ разсчитывать не будетъ. Теперь нужно подумать какъ бы упрочить живнѣ коллегіи болѣе надежнымъ способомъ. Для этого нужно вникнуть почему въ ней самой нѣтъ достаточнаго фонда производительной силы.

И вотъ, прежде всего, бросается въ глаза матерьяльная сторона дѣла: — необеспеченное существованіе лицъ и недостатокъ средствъ. Какъ первое, такъ и второе доказано уже математически. Но дѣло въ томъ, что эта причина, какъ бы она главною ни казалась, все-таки не главная. Увеличивая матерьяльныя средства къ существованію и исполненію обязанностей, мы отнимемъ у людей поводъ и предлогъ дѣлать худое; но никакъ еще не сдѣлаемъ ихъ хорошими и, еще менѣе, лучшими. Правительство или общество, давая эти средства, получаетъ нравственное, внутреннее право, — виѣшнее оно имѣетъ всегда, — требовать точнаго исполненія извѣстныхъ обязанностей, — и только. Но кто не знаетъ, что въ дѣлѣ науки одно «исполненіе обязанностей» какъ бы оно ни было формализовано, еще не придастъ ей ни силы, ни жизни.

Профессоръ, аккуратно преподающій въ узаконенные часы, составляющій учебники, пишущій всѣ отчеты и потому имѣющій полное право требовать чтобы и его существованіе и его учебная дѣятельность были обеспечены всѣми средствами, можетъ быть все таки не тотъ, который необходимъ для самостоятельной и производительной жизни коллегіи. И потому, обеспечивъ только существо-

ваніе людей мы никогда не отнимаемъ у нихъ желанія имѣть еще больше, а кто не носитъ въ себѣ призванія, кого высшая сила не удерживаетъ на пути къ нравственному совершенству, того нельзя удержать и деньгами на пути науки. Никакое огромное содержаніе не удержитъ, напримѣръ, врача отъ прибыльной практики и отъ отсталости въ наукѣ, если онъ самъ не имѣетъ научнаго призванія. Искатель выгодныхъ мѣстъ будетъ, и при обеспеченномъ существованіи, искать ихъ, также какъ и достаточный чиновникъ допустить злоупотребленіе за деньги, если его не будетъ удерживать нравственный взглядъ на себя, и на общество. Кто не сдѣлалъ самоусовершенствованіе главною задачею жизни, того и обеспеченное существованіе не удержитъ на научномъ пути.

Мнѣ будетъ очень жаль, если мои мысли перетолкуютъ такъ, что я отвергаю необходимость увеличенія матерьяльныхъ средствъ для существованія и занятій коллегіи; никто болѣе меня не убѣжденъ въ необходимости этого; я самъ много терпѣлъ и жаловался; но я также убѣжденъ опытомъ, что если, вмѣстѣ съ обеспеченьемъ существованія университетской коллегіи, мы не успѣемъ въ ней водворить еще другимъ способомъ научной жизни съ ея высшими стремленіями, то на одно улучшеніе матерьяльнаго быта рассчитывать нельзя, точно также какъ нельзя рассчитывать и на то, чтобы усиленные вспомогательныя средства, богатая библіотека, обширные музеи, огромныя лабораторіи, одни могли возбудить интересъ и рвеніе къ наукѣ. Они истинно плодотворны только тогда, когда появляются въ университетской жизни, какъ слѣдствія, а не какъ причины научной дѣятельности. Гдѣ господствуетъ духъ науки, тамъ творится великое и малыми средствами. Все это я привожу здѣсь потому, что не разъ слышалъ какъ многіе приписывали главную причину апатіи и застоя въ нашей университетской жизни недостаточности матерьяльныхъ средствъ.

Но принявъ улучшеніе матерьяльной стороны коллегіи, какъ одну изъ самыхъ существенныхъ потребностей, я предполагаю и въ отношеніи ея не дѣлать эксперимента однообразно. Для чего опредѣлять содержаніе не лицу, а должности,—тогда какъ въ университетской коллегіи главное—лицо, а не должность; духъ, а не форма? Воѣ талантъ, посвятившій себя всецѣло учебной дѣятельности; труды его уже обогатили науку; но они такого рода, что не могутъ ему принести никакой матерьяльной выгоды. Онъ, кромѣ университетскаго содержанія, ни на что не рассчитываетъ, потому

что отдает все время и силы университету. Вотъ другой: онъ приглашенъ «за немѣнимъ лучшаго» для замѣщенія кеедры. Его занятія такого рода, что кромѣ университетскаго содержанія, они доставляютъ ему еще огромные доходы и помимо университета, въ которомъ онъ «исполняетъ только аккуратно свои обязанности». Что же общаго между этими двумя личностями? Одинъ, — находка и приобрѣтеніе для университета, — удесятерять фондъ производительныхъ его силъ. Другой исполняетъ только должность. Вотъ третій случай: профессоръ одного университета заслужилъ уже имя въ наукѣ. Его бы хотѣли имѣть у себя нѣсколько университетовъ. Онъ и самъ бы не прочь перемѣнить мѣсто, по домашнимъ обстоятельствамъ; но университетъ, который онъ предпочелъ бы другимъ, въ такомъ городѣ гдѣ жизнь дорога. Будь у этого университета средства — и онъ получилъ бы профессора, увеличивъ его содержаніе по взаимному договору. Родилось бы соревнованіе, которое оказываетъ такую пользу для германскихъ университетовъ, старающихся другъ передъ другомъ привлечь къ себѣ личности знаменитыя въ наукѣ. Словомъ логичность принципа назначать въ университетскихъ коллегіяхъ матерьяльныя вознагражденія по степени личныхъ заслугъ и таланта, а не по должности, — неоспорима. Точно также неоспорима необходимость соразмѣрять и бюджетъ научныхъ вспомогательныхъ средствъ — по свойству cadaго предмета, а не поровну. Остается только рѣшить, на сколько этотъ принципъ примѣнимъ къ нашему университетскому быту. Почему бы не ввести его, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ университетахъ, которые по мѣстнымъ обстоятельствамъ, труднѣе могутъ привлечь къ себѣ дѣльныхъ преподавателей, и потому не выдерживаютъ конкуренціи. Можно, наконецъ, если это уже такъ необходимо, сохранить и содержаніе по штату, давъ право университету увеличивать его изъ особеннаго бюджета, по договору съ лицомъ, которое коллегія желаетъ приобрѣсти, и по разрѣшеніи министерства. Вѣдь признается же возможнымъ, (какъ видно изъ проектовъ) назначать различное содержаніе приватдоцентамъ; почему же для приватдоцентовъ это можно, а для профессоровъ нельзя? Для чего упускать изъ рукъ средство, которымъ университетъ могъ бы привлечь къ себѣ лучшія и дѣятельныя силы, взойдя въ частные договоры съ агцами, заслужившими себѣ авторитетъ въ наукѣ? Почему не воспользоваться этимъ средствомъ для привлеченія свѣжихъ силъ и изъ-за моря? Неужели въ наше время, когда международныя отношенія дѣлаются съ каждымъ днемъ сильнѣе, мы должны

держаться узкаго взгляда на науку и общее достояніе всего человѣчества замкнуть въ ограниченныя предѣлы національностей? Этотъ взглядъ, (какъ видно изъ обсужденій проектовъ), еще существуетъ у насъ. Онъ, правда, существуетъ еще и на западѣ. Но для чего намъ брать за образецъ узкую односторонность другихъ? Что насъ можетъ заставить?—языкъ, нравы, религіи? Но мы считаемъ знаніе языковъ необходимымъ для нашихъ студентовъ; а для преподаванія многихъ наукъ чужестранный языкъ еще не помѣха. Къ національной разнохарактерности мы привыкли, а для вѣротерпимости у насъ нѣтъ препятствій,—наши университеты не церковныя учрежденія. Лодеръ, Франкъ, Фишеръ, Струве, Зейдлицъ, Бушъ, читая намъ лекціи на латинскомъ, нѣмецкомъ и ломанномъ русскомъ языкахъ, одушевляли аудиторіи и возбуждали любовь къ наукѣ въ слушателяхъ. Всѣ мы, любившіе родину не менѣе другихъ, предпочитали ихъ единогласно доморощеннымъ и кровнымъ русскимъ наставникамъ. Моя малость читала также лекціи цѣлыя пять лѣтъ, на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ; нѣмецкіе слушатели,—пусть справятся,—слушали меня также охотно какъ и русскіе; а нѣмцы чувствительнѣе нашего къ грамматическимъ промахамъ и ошибкамъ въ произношеніи. Я теперь знаю одного профессора анатоміи, котораго я самъ вызвалъ изъ за границы; онъ уже 15 лѣтъ излагаетъ свою науку не на русскомъ языкѣ,—я не хвалю этого,—но знаю какую онъ пользу приноситъ своимъ слушателямъ знаніемъ и ревностью къ наукѣ. Говорятъ, что ученые, вызванные изъ за границы первою реформою нашихъ университетовъ, мало принесли выгоды нашему образованію. Это неправда! Они внесли свою долю образованія,—и долю значительную. Но они были призваны въ то время, когда не науки и не образованіе притягивали въ наши университеты студентовъ, а русская почва была тогда слишкомъ не по натурѣ западнаго ученаго. Я не утверждаю, что приглашеніемъ научныхъ авторитетовъ изъ за границы мы упрочимъ духовную жизнь нашихъ университетовъ. Но безъ другихъ коренныхъ реформъ, мы не упрочимъ ее и посылкою нашихъ молодыхъ ученыхъ за границу. И то, и другое только вспомогательныя, палліативныя мѣры, и каждая изъ нихъ имѣетъ свои выгоды и свои неудобства. Посылка за границу есть сильное поощреніе молодежи къ дѣятельности и роднитъ сильнѣе науку съ націей; но результатъ для самой науки скрытъ въ будущемъ,—въ невысказанной еще способности будущаго ученаго. Ему предстоитъ еще уча учиться. Въ приглашеніи изъ за границы